

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Кража бесценной
тиары скифского царя
из коллекции Лувра
может стать
преступлением
века...

Ольга БАСКОВА

Тиара скифского
царя

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Тиара скифского царя

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Тиара скифского царя / О. Баскова — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-118653-1

Сын сапожника, бывший лавочник из Одессы Шепсель Гойдман с самого детства мечтал найти клад и стать сказочно богатым. И наконец-то счастье ему улыбнулось, когда вместе с братом они провернули аферу века. Им удалось изготовить искусную подделку – тиару скифского царя – и продать ее в Лувр... Лизе Котовой не везло в личной жизни, но вскоре она познакомилась в кафе с симпатичным летчиком Игорем и пригласила его к себе в гости. Она не ожидала, что уже через несколько месяцев вместе с любимым будет готовить операцию по краже бесценной тиары скифского царя из коллекции Лувра...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118653-1

© Баскова О., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Баскова

Тиара скифского царя

© Баскова О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Одесса, 1875 г.

Маленький худенький мальчик с огромными черными глазами, обрамленными густыми ресницами, младший сын сапожника, сидел на скамье в сапожной будке отца и уныло смотрел на сапог, который отец наказал ему починить.

Этот сапог принес приказчик торговой лавки, поручив заменить стертые каблук и подошву.

Пожилый сапожник Яков Гойдман считался лучшим на всей Молдаванке, и ему охотно несли обувь все, кто не мог себе позволить выбросить прохудившиеся и почти негодные ботинки, ношенные уже несколько сезонов.

Хороший сапожник считался в Одессе одним из главных персонажей быта. И верно. Прекрасную импортную обувь не достать, одесситы со скромными доходами не чуждались починки, зная, уж дядя Яков настоящий мастер и сделает на славу.

И Яков делал на славу. Если кто-нибудь из клиентов оставался подождать, Гойдман усаживал его на табурет, от жесткого сидения на котором потом болели ягодичцы, брал в руки сапог или ботинок – и начиналось священнодействие.

Посетитель, щуря глаза от тусклого желтого света маленькой лампочки, вдыхал терпкий запах герани, смешанный с запахом кожи и сапожного клея, оглядывал деревянные этажерки, ломившиеся от разной обуви. На квадратном деревянном столе горками высились набойки, подковки, подошвы, кожаные заготовки, баночки с кремом...

Сам Яков, с длинными спутанными седыми волосами, перехваченными кожаной лентой, восседая на таком же табурете, в измазанной кремом рубашке, в длинном фартуке и грязных штанах, орудовал маленьким молоточком. Мозолистые руки сапожника напоминали руки ювелира или часовых дел мастера. Миниатюрные тонкие гвоздики ловко входили в кожу, остальные дожидались своей очереди во рту Якова. Иногда дело доходило до толстой иглы-шила, которой он шивал порванные бока.

Клиентов всегда подкупала его деловитость, дотошность и неторопливость. Он знал и любил свое дело – об этом говорила вся Молдаванка. И не только потому, что Яков ни разу не испортил изделие, напротив, всегда выдавал «конфетку», но и потому, что он просиживал в маленькой сапожной будке и в летнюю жару, и в зимнюю стужу, травясь запахом кожи и клея. А еще Якова любили за то, что он никогда не жаловался, никогда не рассказывал о своих проблемах, зато всегда шутил – а в Одессе шутки многого стоят!

Шутки Якова знала вся Молдаванка, может быть, они были известны и за ее пределами. Вот почему клиенты порой дожидались починки своей обуви в его будке. Иногда дядя Яков такое скажет – живот надорвешь. Зато никто никогда не слышал от него бранных слов, даже когда старший Гойдман случайно попадал себе молотком по пальцу.

Но время шло, сапожник старел и потихоньку приучал к любимому делу сыновей, которых было ни много ни мало пятеро.

Старший, Мойша, наверное, родился сапожником и вскоре вовсю помогал отцу. Второй и третий подрабатывали грузчиками в порту, а самые младшие, Шпенсель и Лейба, не радели ни к какой работе.

– Пусть сначала поучатся в школе, – заступалась за них мать, горбоносая Софа. – А потом и помогать тебе станут.

Но Яков видел: эти не станут. И к учебе-то они особо не радели. Да и какая там учеба в местном хедере при синагоге? «Талмуд» читать научились да деньги считать – вот и вся учеба. А еще сказок где-то наслушались – как быстро разбогатеть.

Вот и сидели целыми днями на крыльце дома и фантазировали, вместо того чтобы родителям помочь.

Сегодня Яков не выдержал и силой привел младшего, Шепселя, в лавку. Он было ухватил за шиворот и Лейбу, но тот ловко вывернулся и скрылся в многочисленных дворах Молдаванки.

Маленький худой Шепсель поупирался немного, но, поняв, что натруженные мозолистые руки отца не собираются его отпустить, покорно поплелся в будку.

– Я уже показывал, как нужно забивать маленькие гвоздики, – назидательно сказал Яков, кидая на колени Шепселя сапог приказчика, – и ты пробовал делать это. Пусть на первых порах будет трудно, пусть ты не раз попадешь себе по пальцам – ничего страшного. Только так из тебя получится хороший сапожник.

Мальчик скривился, будто от зубной боли, и это не ускользнуло от отца.

– Я знаю, вы с Лейбой вбили в свои дурные головы, что можно быстро разбогатеть, – усмехнулся он, доставая с полки ботинок, просивший «каши». – Для этого вам нужно, по крайней мере, найти клад, потому что у нас нет богатых родственников, которые вот так, вдруг, оставят нам наследство.

Шепсель прищурился, презрительно глядя на отца.

– Ты волком на меня не смотри, – буркнул Яков. – Сапожное дело тоже доход приносит. Я один шесть ртов кормил. Так что выбрось из головы всякую дурь и принимайся за работу.

Отвернувшись от мальчика, он сел на свой табурет с лоснившимся сиденьем и принялся колдовать над ботинками.

Шепсель покорно сунул в рот тонкие гвоздики, как это делал отец, тонкими детскими пальцами взял один из них, приставил к подошве и, замахнувшись молотком, со всей силы ударил себе по пальцам.

Глава 2

Дивногорск, наши дни

Лиза сидела у окна, глядя, как капли дождя рисуют причудливые узоры на оконном стекле, и морщилась, словно капли попадали ей в глаза.

Ей тоже хотелось плакать, как небеса, такими же горячими слезами, но слез давно уже не было. Она вновь и вновь вспоминала прошлую жизнь, когда была замужем за Сергеем.

Ох, те далекие и ужасные девяностые годы! Родители-алкоголики продали и пропили квартиру, и их семья оказалась выброшенной на улицу.

Приютила бабушка, постоянно жаловавшаяся на здоровье и на сына-алкоголика и такую же невестку, не желавших работать. Да и где работать, если единственный завод в их городе закрылся?

Лиза окончила всего девять классов, хотя неплохо училась и мечтала поступить в институт, потом ПТУ, где получила профессию швеи, хотя терпеть не могла шить.

– Ты должна идти только на швею, – напутствовала бабушка. – Всегда будешь с деньгами на кусок хлеба с маслом.

Однако старушка ошибалась. Лиза пробовала устроиться в единственное в городе ателье, но хозяйкам требовалась классная портниха, которая смогла бы шить вещи не хуже зарубежных – это и собирался делать хозяин – выдавать за заграничные, стоило только прикрепить этикетку.

Ее нежелание и отсутствие нужных навыков было сразу замечено, и в тот же день Лизу уволили. Оставалось одно – пойти на улицу и обслуживать клиентов в грязных туалетах на вокзале, потому что все мало-мальски приличные места даже для такой работы были распределены.

На вокзале она и познакомилась с Сергеем, типичным бритоголовым братком с тупым выражением лица, увидевшим ее возле туалета – худенькую девчонку с маленькой грудью, с огромными синими глазами, со страхом смотревшую на мужчин.

Он подошел к ней и взял за руку.

– Пойдем?

Лиза задрожала, и это не ускользнуло от мужчины.

– У тебя что, в первый раз?

Она кивнула.

– Врешь, – усмехнулся Сергей. – Я вижу тебя здесь не первый раз.

Лиза снова кивнула:

– Да, но я все не решалась... Я не хочу этим заниматься... Но у меня нет выхода.

Он фыркнул, крутанув толстой, как у быка, шеей.

– Ну, это вы все говорите. Пойдем, нужно когда-нибудь начинать. Я сомневаюсь, что ты сможешь заработать другим способом.

Мужчина потянул ее не в мужской туалет, куда обычно направлялись ее подруги по несчастью, а в привокзальную гостиницу.

Он снял номер с широкой кроватью, душем и туалетом, заставил ее помыться, а потом, когда она вышла из душевой с сияющей от чистоты кожей, хрюкнул, как свинья, и навалился на нее, вдавливая телом в кровать.

Ее пронзила острая боль, она истошно закричала, но Сергей, закрыв ей рот пахнувшей дорогим одеколоном рукой, продолжал ее насиловать, не обращая внимания на крики и стоны.

Потом, откинувшись на подушки, обессиленный, вспотевший, удивленно произнес:

– А ты действительно девушка. Вон крови сколько натекло, придется платить за простыни.

Она еще корчилась от боли, но смогла выдать:

– Я же говорила...

– Говорила, говорила, да я не поверил, – буркнул он и положил на тумбочку сто долларов.

Лиза, раскрыв полуслепые от боли глаза, смотрела на зеленую бумажку, не чувствуя радости. А впрочем, какая радость? Ей от этих денег мало что достанется. Все пропьют алкаши-родители.

Словно угадав ее мысли, быкообразный Сергей сказал:

– Я хочу, чтобы ты купила хорошую одежду. Но, видимо, родители не дадут тебе этого сделать. Они алкоголики, да?

– Да, – прошелестела она и всхлипнула.

– Тогда пойдем со мной, и я куплю тебе все, что нужно. – Он поднялся с постели, не пытаясь прикрыть нагое сильное тело. – Слушай, ты мне понравилась. Мне до смерти надоели испорченные девки. Ты не такая. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне сейчас. Зачем тянуть, если я все равно заберу тебя отсюда?

Она ничего не отвечала, не зная, хорошо или плохо для нее то, что предлагал этот мужчина.

Он заметил ее колебания и усмехнулся.

– Любая из таких, как ты, сочла бы это подарком судьбы, – произнес он, улыбаясь. – А ты... Что же тебе мешает? Если твоей семье понадобятся деньги, я буду давать их. Тебе не придется больше искать клиентов.

Она закивала быстро, как китайский болванчик:

– Да, да, я согласна.

– Тогда одевайся.

Выйдя из гостиницы (Лиза заметила, как он щедро заплатил за испачканные простыни), они направились в магазин, где продавалась одежда, и Сергей сам выбрал и платья, и кофточки, и брюки – все на свой вкус.

Выходя из примерочной, она замечала огонек вожделения в его желтых кошачьих глазах... Он хотел ее, и она старалась думать об этом без отвращения, но не получалось. А потом он посадил ее в серебристый «Мерседес» и повез к себе.

Его двухэтажный коттедж – простое квадратное строение – находился за городом. Справа неожиданно высились горы, уходящие в облака; на крутых склонах между ними пряталась старая бумажная фабрика с высокими трубами красного кирпича, слева расстилалась степь, плавно уходящая в лес.

Пахло полевыми цветами и сухой травой, и Лизе показалось, что в этом краю очень голубое небо – такого голубого она никогда не видела.

Открыв ворота, Сергей подтолкнул ее к дому, а сам пошел ставить машину в гараж.

Лиза присела на корточки у маленькой клумбы с засохшими цветами и прошептала:

– Бедные вы мои... И я бедная...

Не успели они войти в дом, как он снова набросился на нее, потом попросил небрежно:

– Приготовь что-нибудь пожарить. Холодильник забит до отказа. Готовить-то хоть умешь?

Да, готовить Лиза умела и любила. Она кинулась на кухню, радуясь возможности побыть в одиночестве, отыскала в морозилке мякоть свинины, в шкафчике – муку, в пакете на кухне – лук и картошку, принялась делать отбивные, удивляясь обилию кухонной утвари.

Похоже, все, что рекламировали по телевизору, Сергей тут же приобретал, хотя никогда не пользовался. Вещи были совсем новыми.

Лиза вспомнила убогую кухню бабушкиной квартиры, закопченные кастрюли, всегда жирные тарелки, которые следовало бы уже не мыть, а чистить, как сковороду с отломанной ручкой, – в общем, кричащую бедность, и ей стало грустно.

Бабушка с детства учила ее жить честно и не брать чужое – и в результате оказалась в нищете. А этот мужчина... О, в девяностые не было человека, который не знал, чем занимаются бритоголовые ребята.

– А чем так вкусно пахнет? – поинтересовался Сергей, входя в кухню. – Какие красивые отбивные! – Он глотнул слюну. – Не хуже, чем в ресторане. Надеюсь, и на вкус они как ресторанные.

– Домашняя пища всегда отличалась от ресторанной, – проговорила Лиза. – Но, я надеюсь, вам понравится.

Он захохотал так громко, что зазвенела посуда.

– Вот чудачка... Мы уже дважды переспали, а она мне выкает. Впрочем, да, мадемуазель, мы дважды переспали, а я еще не знаю, как вас зовут. Меня – Сергей.

Она назвала свое имя, вспомнив, что когда-то учительница русского языка и литературы и их классная руководительница сказала, глядя на нее:

– В десятом классе мы будем изучать «Дворянское гнездо» Тургенева. Главная героиня этого произведения – Лиза Калитина. Знаешь, читая этот роман, я представляла ее именно такой, как ты.

Лиза не ждала, что он скажет что-нибудь по поводу ее имени: Сергей вряд ли, кроме «Муму», читал другие произведения Тургенева, однако он произнес:

– Красивое имя. – Мужчина приподнял крышку фритюрницы. – О, у нас еще и картошечка? Когда же будем кушать?

– Еще минут пятнадцать, – пообещала Лиза, и он кивнул:

– Хорошо. Пойду принесу вино.

А потом он помог ей накрыть стол, наверное боясь, что она разобьет дорогие тарелки, и жадно ел, нахваливая:

– Очень, очень вкусно. С тобой я сэкономлю большие деньги на ресторанах. Правда, ты не умеешь заниматься любовью, и в этом твой минус. Но я тебя научу. Нельзя уметь сразу все. – Он шумно рыгнул и даже не попросил прощения. – Нельзя взять невинную девушку и требовать от нее знаний опытной путаны. Это понимаю даже я. А теперь в душ – и в постель.

Она была рада, когда он наконец оставил в покое ее измученное тело и захрапел.

Лиза хотела подумать, что ей делать дальше, но неожиданно провалилась в сон и проснулась только в полночь, когда Сергей грубо разбудил ее.

– Вставай. Собери что-нибудь пожрать. Мне пора на работу.

Что это за работа, Лиза догадывалась.

Глава 3

Одесса, 1875 г.

– Говорю я тебе, Софа, никудашние у нас два последних сына. – Яков пил желтоватый чай с хлебом. – Работать не хотят, а деньги хотят. А где, спрашивается, возьмешь деньги, если не работаешь? Ты можешь мне ответить?

Горбоносая нескладная жена вздыхала:

– Маленькие они еще. Подрастут – все поймут.

Сапожник фыркнул, как лошадь:

– Ой ли? Как ни печально признать, из них ничего путного не получится. Они пойдут по кривой дорожке, вот увидишь.

Жена скалилась, показывая длинные редкие лошадиные зубы.

– Не у всех призвание быть сапожником. Я бы мечтала, чтобы мальчики получили хорошее образование.

– На какие такие ищи, Софа? – изумлялся Гойдман, проводя рукой по хрящеватому носу, из узких ноздрей которого выглядывала щетина. – Я с утра до вечера сижу в сапожной лавке, и эта работа не делает меня миллионером. Но я не беру чужое, как наши воры, мне достаточно своего.

– Что же ты предлагаешь? – Как мудрая еврейская жена, Софа почти не спорила с мужем.

– Я предлагаю не пустить их на улицу сегодня, – твердо решил Яков. – Они не заслужили отдых. – Он встал, стряхнув крошки с синеватых губ. – Сейчас так им и скажу.

Женищина ничего не ответила, и Яков, который всегда принимал ее молчание как согласие, открыл дверь в детскую.

Лейба и Шпсель сидели на кровати и смотрели на отца злыми черными глазенками. Младший сосал ушибленные пальцы, отзывавшиеся тупой болью.

– Мы с матерью решили сегодня наказать вас, – торжественно объявил отец. – Вы просидите в своей комнате до утра. Если завтра вы будете отлынивать от работы, как сегодня, снова не пойдете на улицу. Вам понятно?

Сыновья переглянулись, но ничего не ответили. Они понимали, что сейчас отец сильнее, что они могут сбежать отсюда, только придумав какую-нибудь уловку.

– Вам понятно? – повысил голос Яков.

Лейба ответил первым:

– Понятно, папа.

– Но я работал сегодня. – От волнения Шпсель прикусил больной палец и поморщился. Боль сделала его смелее. – И я старался. Ты рассказывал нам, что когда-то тоже попал себе по пальцам. Завтра я не смогу работать.

Яков с шумом втянул в себя воздух и крякнул:

– Нет, голубчик, я сотни, нет, тысячи раз ударял себя по пальцам, и это было больно, но я стонал и продолжал работать. Ушибленные пальцы – это не повод бездельничать. Ты, Лейба, будешь помогать брату. Завтра мы снова отправимся в лавку. А пока... – Он вышел из комнаты, повернув ключ в замке.

Шпсель вытащил пальцы изо рта и плюнул на пыльный старый половик.

– Я думал, побегим в порт, – грустно сказал он.

– Я тоже так думал, – вторил ему Лейба. – Говорили, сегодня приходит заграничный корабль. То-то интересно было бы посмотреть.

Шпсель шмыгнул носом. Братья любили просто гулять по своему родному городу, ходить по дворам, перекидываться парой шуточных словечек со словоохотливыми евреями,

вступить в короткую схватку с мальчишками их района, с каждым годом становившиеся все больше.

Пожилые завсегда таи узких одесских дворов любили вспоминать прошлое и много рассказывали о Молдаванке. В начале восемнадцатого века это было поселение, состоявшее из пары десятков двухэтажных домов барачного типа. В них жили биндюжники: мелкие работники, сапожники и бедные лавочники – в общем, далеко не богатый люд. Когда в тысяча восемьсот двадцатом году поселок присоединили к городу, к двухэтажным барачкам начали лепить пристройки, кто из камня, кто из дерева – короче говоря, из подручных материалов.

Район немного облагородили представители дворянского рода, переехавшие из Харькова. Они первые посадили деревья, чтобы серые улочки смотрелись веселее. Местные жители, подражая им, сажали виноград и плющ, которые так оплели дома, что, казалось, если ударить топором по толстому стволу, деревянная постройка тут же упадет вместе с виноградной или плющевой лозой.

Жители таких двориков были гостеприимными. Свадьба или похороны становились событием для всей Молдаванки. Огромный стол выставляли во двор, если позволяла погода (если же погодные условия оставляли желать лучшего, всех тащили на галерею по старым скрипучим лестницам) – и начиналось представление либо со смехом, либо с плачем.

Детям всегда доставался лучший кусок, и братья Гойдманы считали себя счастливыми, если попадали на такие мероприятия. На свадьбах их угощали конфетами – редкое лакомство в их доме.

Сегодня отец лишил их сразу нескольких удовольствий: побазарить с тетками, подраться с соседскими мальчишками и получить какое-нибудь лакомство.

Шепсель прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Завтра придется тащиться в сапожную будку, будь она проклята. Я не высижу второй день в этой комнате.

Лейба ничего не ответил. Несмотря на то что он был старше брата на два года, верховодил младший, отличавшийся более живым и гибким умом.

– Тебе тоже придется идти со мной, – буркнул Шепсель. – Или предпочитаешь поселиться тут навечно?

Брат захрустел пальцами. От этой вредной привычки его тщетно пытались отучить родители.

– Давай сбежим из дома, – вдруг предложил он и открыл рот, будто испугался собственной смелости.

– И куда? – усмехнулся Шепсель. – Куда мы побежим? Без денег далеко не уйдешь. Нам придется браться за любую работу, чтобы не умереть с голоду. – Он покачал головой и взглянул на брата не по-детски серьезно. – Нет, пока мы не решим, как сможем самостоятельно заработать деньги, нечего и дергаться. – Шепсель подул на больные пальцы. – Хочешь не хочешь – в будку идти придется.

Лейба кивнул:

– Ты прав. Но когда-нибудь мы сбежим?

– Когда-нибудь обязательно, – пообещал младший и лег на кровать, стараясь собраться с мыслями.

Ему сейчас одиннадцать, Лейбе – тринадцать. Конечно, они могут пристроиться в порту или стать разносчиками газет. Но грузчики и разносчики получали копейки, которые многие из них тут же пропивали, не донося до дома. К тому же им придется где-то жить...

Нет, если и бежать от деспотичного отца, только года через три. Тогда они смогут найти место получше, скажем, в какой-нибудь лавке помогать продавцам или хозяину. А потом, изучив торговлю, открыть собственное дело. Предлагать товары совсем не трудно, это тебе не забивать гвозди и не надрывать под грузами.

– Лейба, нам нужно потерпеть еще несколько лет, – сказал он, трогая брата за руку. – Зато потом мы развернемся, я тебе обещаю. Я тебе обещаю, что мы никогда не будем сидеть в сапожной лавке, согнувшись крючком, никогда не будем донашивать одежду после кого-то, как мы это делаем сейчас. Мы не будем ранить наши ноги о камни, потому что сможем позволить себе нанимать экипажи. И, даю тебе слово, станем завсегдаемыми самых модных ресторанов, которые наш отец никогда не видел в глаза.

Лейба недоверчиво взглянул на брата:

– Ты собираешься искать клад?

Шепсель улыбнулся, обнажив мелкие, как у хорька, зубы.

– Это было бы неплохо, только сейчас я не знаю, где его искать. – Он зевнул. – И потом, это тоже непростое дело. Много ли нароешь старой лопатой, что стоит в нашем сарае? Нет, как ни крути, придется потерпеть еще пару лет. Если вбивать гвозди в подошвы станет для нас совсем невозможу, мы попросим отца найти нам другую работу.

– Как Самуил и Изя? – Лейба часто задыхался. – Они ненамного старше нас, а у них уже больные спины. Я не понимаю, почему наши братья работают грузчиками. Если выбирать между грузами и гвоздями, я бы выбрал последнее.

Шепсель пожал плечами. Он и понимал, и не понимал братьев, надрывававшихся в порту, но они заверяли родителей, что такая жизнь им по душе.

Иногда они садились на крыльцо дома и начинали рассказывать о жизни в порту.

О, там кипела своя жизнь! Красавцы-пароходы, пробуждавшие мечты о прекрасных дальних странах, чопорные богатые пассажиры, разношерстные команды иностранных судов и суденышек: смуглые турки, персы, горбоносые греки.

Матросы ловко, как обезьяны, лазали по канатам, лопотали что-то на своем языке, грузчики, глазевшие на них в короткие минуты передышки, когда от тяжести груза начинало ломить спину, ничего не понимали, но их забавляла эта незатейливая картинка.

Закончив работу, все садились возле кнехтов, чтобы перекусить, выкладывая на засаленные газеты все, что могли купить на скудный заработок: черный хлеб, селедку, с которой порой приходилось стряхивать махорку, огурцы, помидоры. Украшением стола, конечно, была бутылка пива или водки, припасенная кем-то из рабочих.

Братья Гойдманы пили мало, помня строгий наказ отца, но с удовольствием слушали шутки, порой довольно скабрзные, пересыпанные грубыми словечками.

В такой компании они чувствовали себя взрослыми, солнце опалило их белую нежную кожу, сделав ее шершавой и грубой, как та, из которой отец шил ботинки для небогатых клиентов. Длинные тонкие руки налились, мускулистые спины привлекали внимание девушек.

Нет, старшим братьям определенно нравилась работа в порту.

«Сапожная мастерская и порт – это две большие разницы» – так говорили они и гордо смотрели на остальных.

Лейба и Шепсель слушали их сначала заворозенно, представляя порт волшебным миром, но потом, повзрослев, лишь скептически ухмылялись: они знали, что пойдут другим путем, по другой дороге, но предпочитали помалкивать об этом.

Глава 4

Дивногорск, наши дни

Человек привыкает ко всему или почти ко всему. Потихоньку и Лиза привыкала к своему положению, но не знала, радоваться или огорчаться.

С одной стороны, для нее наконец началась сытая жизнь, она даже могла немного помогать родителям, от радости запившим еще больше. Сергей одевал ее как куклу, она готовила еду из дорогих продуктов, однако было еще и во-вторых, и это во-вторых включало в себя грандиозные пьянки Сергея, кончавшиеся стрельбой по бутылкам во дворе или ее избиванием.

Когда мужчина, что называется, входил в раж, он забывал, что перед ним хрупкая девочка, которой еще нет шестнадцати лет, и ей доставалось крепко, по-мужски.

Лиза лишь закрывала лицо от его ударов (иногда он пускал в ход ноги, и кроссовки больно врезались в ее худое тело), она потеряла счет синякам и переломам.

Протрезвев, Сергей и не думал извиняться, сгребал ее в охапку, как одну из вещей своего дома, и вез к знакомому травматологу, который, воровато озираясь по сторонам, накладывал ей гипс или перебинтовывал.

– Ты бы поосторожнее, Сережа, – напутствовал он сожителя. – Девчонка – кожа да кости. Убьешь когда-нибудь.

Предостережения доктора на него не действовали.

– Это проститутка, ты понимаешь? – Он масляно улыбался и сжимал кулак размером с голову теленка. – Грязная вокзальная проститутка. Да она должна целовать мне ноги за то, что я вытащил ее из грязи.

– Но не убивать же ее за это, – возражал доктор, манипулируя с Лизиными ранами.

– Все равно они кончают этим. – Сергей махал рукой, клал на столик пару зеленых, и они ехали в коттедж.

– Зачем ты привез меня сюда, если я тебе противна? – однажды спросила она. – Да, мне пришлось зарабатывать таким путем. Но я не успела... Появился ты. Ты взял меня девушкой, и тебе это прекрасно известно.

Он ухмыльнулся:

– Да, и это я сразу понял. Захотелось чего-то свеженького, невинного... а теперь ты для меня – лишь одна из них.

– Тогда отпусти меня, – просила девушка, но Сергей качал головой:

– Нет, дорогая. Ты мне еще не отработала.

– И долго? – интересовалась Лиза.

– Может, всю оставшуюся жизнь. – Он хватал ее за плечо, на котором красовался свежий синяк, и тащил в постель, а она глотала слезы и подчинялась унижительному совокуплению.

Иногда Сергей приводил гостей, таких же братков, как сам, с такими же девушками, как она, только, похоже, давно потерявшими невинность, и Лиза накрывала стол. Часто все это кончалось избиванием несчастных женщин, которые, спрятавшись в предбаннике от разъяренных водкой сожителей, жаловались друг другу на судьбу.

– Ты же понимаешь, чем занимается твой благоверный, – объясняла ей Наташа, сожительница бугая Кости. – Мой иногда рассказывает, а иногда разговаривает во сне. Брр. – Она поежилась. – Лучше, конечно, этого не слышать. Они убийцы, понимаешь, и воры. Грабят и убивают. А убивают порой с особой жестокостью. Вот и расслабляются потом.

Лиза бледнела.

– Когда-нибудь они убьют и нас, – тихо говорила она, и девушки кивали.

– Скорее всего.

– Но тогда... – Лиза прижимала к горлу маленькие кулачки, – нужно бежать.

Они смеялись.

– Да куда ты убежишь? Все равно отыщут. Это для них раз плюнуть. Да и не хочется возвращаться к прошлой жизни. – Наташа вздыхала. – Лучше Костика потерпеть. Все-таки на «бэхе» черной возит и шмотки за валюту покупает. Да в ресторанах в лучших часто обедаем. За это и умереть не жалко.

Лиза была другого мнения. Умирать ей не хотелось, она и не жила еще. Пятнадцать лет – разве это возраст?

– А милиция? – робко говорила она. – Однажды их могут арестовать.

Девчонки хохотали, словно она сморозила что-то до одури забавное.

– Милиция? А тебе твой ничего не рассказывал? Да она же вся у них с руки кормится, – пояснила Наташа. – Если когда-нибудь возникнет вопрос, арестовать твоего Серегу или честного человека, милиция арестует второго. Тебе понятно?

Ей было все понятно и от этого горько.

Глава 5

Одесса, 1890 г.

Как и предполагал Шепсель, им пришлось поработать на отца ровно три года. Из родного дома не пришлось бежать, вызвав гнев Якова: судьба распорядилась иначе.

Болезнь унесла в могилу сначала горбоносую добрую Софу, в последние минуты жизни сетовавшую, что она оставляет мальчиков и любимого мужа, а потом и самого Якова, пережившего жену всего на полгода. Сапожную будку захватил старший брат, неплохой мастер, жена которого (и где он отыскал такое страшиллице?) невзлюбила своих родственников, не желавших помогать ее супругу.

Мойша, пряча глаза, посоветовал младшим братьям уехать и снабдил их суммой на первое время.

Разумеется, сумма была невелика, но ни у Шепселя, ни у Лейбы к нему не было претензий. Они знали, какой доход приносила мастерская.

Чувствуя вину, Мойша отдал почти все, что у него было, не боясь скандала с женой.

Перед уходом из дома Шепсель еще раз пересчитал деньги и подумал, что с ними делать. Конечно, для открытия лавки этого было мало.

Однако Гойдманы не стали ворами и убийцами, какими славился их родной город. Может быть, сказало воспитание родителей, может быть, своеобразный кодекс чести, созданный жителями Молдаванки, но они попробовали заработать относительно честным трудом.

Юноши отправились по домам своих друзей и соседей, горько плакали, сетовали на несчастную судьбу, и сердобольные одесситы, которые всегда помогали своим, к деньгам Мойши прибавили кругленькую сумму. Как говорится, с миру по нитке...

И братья Гойдманы открыли лавку. Чтобы удержаться на плаву, они не брезговали и контрабандными товарами, однако торговля порой приносила больше убытков, чем прибыли.

Умный Шепсель не спал ночами, пытаясь спасти бизнес, но вынужден был развести руками и признать поражение. Чтобы крупно заработать, нужно и торговать по-крупному, но братья не могли себе этого позволить. Деньги, вырученные от контрабандных товаров, почти целиком забирали воры, их поставщики.

– Мы не тем торгуем, – однажды сказал он Лейбе. – И вообще занялись не тем делом. Скажи, что мы имеем? Пишк на постном масле? – Гойдман-младший загнул толстый указательный палец. – Однажды мы перепродали жемчужное ожерелье вдовы резника – и получили десять копеек. – Он загнул средний, хрустнувший в суставе. – Потом закупили мешок капусты и очень долго ждали выгоды от тети Леси. Ждали так долго, что не дождались, шоб она так жила. А сейчас получаем копейки от продажи лаврового листа. И это ты таки называешь торговлей?

Брат опустил плечи. Последнее время он ходил как в воду опущенный, и Шепсель понимал: все от того, что Лейба не боец и не стратег. Он просто хороший исполнитель – и все, от него никогда не услышишь ничего путного. Его, как собачонку, нужно вести на поводке, обещая вкусную и сытную еду. Но если он ее не получит, тут же впадет в депрессию и будет часами лежать на стареньком диване в душной каморке, вперив глаза в засиженный мухами потолок.

– Ты хочешь сказать, нам нужно возвращаться к сапожному делу? – с тоской спросил Лейба, и его глаза увлажнились.

Младший брат рассмеялся и сунул ему под нос скомканную газету:

– На, почитай на досуге. Впрочем, я расскажу тебе в двух словах об одной интересной статейке, на которую напал. В эту газетенку не первой свежести галантерейщик завернул мне мыло. Помнишь ли ты что-нибудь об археологе Шлимане?

Лейба наморщил желтоватый лоб. Он всегда был туповатым, и равнин, учивший братьев грамоте, сетовал, что парень долго не мог запомнить буквы и пересказать «Талмуд».

– Что-то вроде слышал. – Юноша изобразил работу мысли, но быстро сдался. – Слышал, но забыл. Кто это?

Шепсель хлопнул брата по плечу:

– Да, бедный рабби. Ты действительно бываешь безнадежен. Несколько лет назад вся Одесса говорила о троянском кладе, который отыскал немецкий археолог. Ну, теперь припоминаешь?

Лейба усиленно закивал, но пустые черные глаза ничего не выражали, и Шепсель терпеливо, как учитель, стал объяснять:

– Генрих Шлиман – археолог-самоучка. Его жизнь чем-то похожа на нашу. С четырнадцати лет он корячился в лавке почти целый день, но оставил это дело, уехал в Голландию, а потом в Россию, где открыл собственную фирму и разбогател. Казалось бы, чего еще нужно? Но нет, он начал изучать древнегреческий и прочитал Гомера.

– Кого? – переспросил недалекий Лейба и сунул в нос указательный палец.

– Гомера, – повторил брат, – был такой древнегреческий автор, написавший «Илиаду» и «Одиссею».

По пустым глазам Лейбы Шепсель понял, что все это для него пустой звук, но старший брат не стал переспрашивать. Он хотел дождаться, пока младший расскажет о том, что задумал. Вот тут-то не будет никаких фамилий, просто описание того, что им предстоит сделать.

– В поэме Гомера «Илиада», – продолжал Шепсель, – рассказывается о Троянской войне. Когда-то существовало такое государство – Троя. Греки объявили ему войну и сожгли дотла. Долгое время считалось, что Троя – просто выдумка Гомера, но Шлиман поклялся ее найти и нашел. – Он вздохнул и причмокнул губами. – Представляешь, сколько сокровищ он выудил из земли вместе с другим археологом? Троя обогатила их самих, детей, внуков и правнуков. Помнишь, наш отец говорил: «Чтобы быстро разбогатеть, нужно найти клад». Но тогда у нас не было ни копейки, и мы были слишком малы, чтобы пускаться в опасное путешествие. Но теперь мы взрослые и... – Шепсель улыбнулся. – У нас есть какие-никакие, но деньги. Они позволят не умереть с голоду на раскопках.

Глаза Лейбы впервые загорелись, взгляд стал осмысленным.

– А еще мы можем продать эту лавку и потом купить другую, – воскликнул он, но брат покачал головой:

– А вот этого мы как раз-таки не станем делать. Я уже говорил тебе, что мы просто не тем торгуем. «Лавка братьев Гойдманов» останется, только товары в ней будут другими. Один антиквариат – и ничего больше. – Он подошел к брату, обнял его и крепко прижал к широкой груди.

Лейба поднял густые черные брови:

– Но где мы возьмем этот антиквариат? Разве у нас есть деньги на его приобретение?

Шепсель расхохотался. Туповатый брат ничего не понял из его рассказа. Зря он тратил время, знакомя его с историей Шлимана.

– На антиквариат у нас никогда не хватит денег. – Младший Гойдман хлопнул брата по плечу. – Это нам и не нужно. Мы сами добудем его.

До несчастного Лейбы все еще не доходило: для его мозга такие комбинации были сложны.

– Но где добудем? Ты же сам сказал, что этот археолог раскопал город и унес все клады.

– На наше счастье, на свете существует не только Троя, – рассудительно ответил Шепсель. – Ты не поверишь, братишка, но возле Очакова, который, как тебе известно, совсем неподалеку от Одессы, обнаружены древнегреческие города. Думаю, под землей немерено цен-

ностей. Пожалуй, ты все же прав: мы продадим лавку в Одессе и купим в Очакове – вот и все. А потом наполним ее товаром, да таким, что пальчики оближешь. Ты готов поработать киркой и лопатой? Знаешь, дорогой, ценности не грибы и после дождичка из земли не покажутся. Придется попотеть, чтобы заработать наш первый миллион. А еще я мечтаю сделаться антикваром с именем. Мне позарез нужно научиться отличать подделку от подлинника и знать как можно больше об археологии. – Он поднял глаза кверху. – О, ты не представляешь, как я благодарен нашей матери за то, что она отдала нас рабби. Благодаря ему я умею читать, и это мне очень пригодится. – Шепсель достал сверток и выудил книгу в потрепанном переплете. – Знаешь, что это, мой бедный братишка? Учебник по археологии. Мне подарил его известный коллекционер Генрих фон Штерн. Не спрашивай, как мне удалось втереться к нему в доверие и понравиться. С сегодняшнего дня я стану изучать эту книгу, как «Талмуд».

Лейба впервые за время разговора посмотрел на брата с восхищением. Что ни говори, а он мозг, его младший братишка.

– Я готов попотеть, – воскликнул он, и братья снова обнялись.

Воображение рисовало картины старинных сундуков, набитых золотыми монетами. Да что там монетами! Шлиман получал неплохие деньги и за надгробные плиты.

– Мы начнем с Ольви, – деловито произнес Шепсель. – Недаром ее называют местом Ста Могил. Поверь, там есть много чего ценного.

Глава 6

Дивногорск, наши дни

Время шло, Лиза так и жила в этом коттедже, ни жена и ни любовница, так, что-то непонятное.

Теперь Лиза не боялась ничего в этой жизни. Синяки и ссадины не заживали, однако она научилась чувствовать его настроение и вовремя прятаться в предбаннике, и травматолог вот уже несколько месяцев не накладывал гипс. А еще она чувствовала, что надоела Сергею (он часто приводил в дом проституток. И где только находил таких прожженных), совокуплялся с ними на диване в гостиной, не стесняясь ее. А еще с интересом поглядывал на соседскую девушку, дочку профессора, построившего коттедж рядом, и в его взгляде Лиза видела что-то новое. На нее он, во всяком случае, так никогда не смотрел.

– Тебе нравится Света? – однажды спросила она, и Сергей кивнул:

– Ага, нравится.

– Так женись на ней и отпусти меня, – вдруг выпалила Лиза, дивясь своей храбрости.

Он усмехнулся как-то задумчиво и грустно, как человек, а не как браток Серега.

– Ты спятила? Тебе известно, какая пропасть лежит между нами. Я рэкетир, а она дочь профессора, к тому же образованная. Меня убить могут в любую минуту или посадить. Думаешь, я от себя без ума? Ошибаешься. Вот если бы я был депутат или честный бизнесмен, кем я и собираюсь стать в будущем, она бы с радостью пошла за меня. А пока я вынужден проводить время с такими, как ты.

Лиза горестно вздыхала.

– На мне ты тоже не женишься. И у нас никогда не будет детей.

– Какие дети? – Он потряс ее за плечи и заглянул в синие глаза. – Если вдруг залетишь от меня, попробуй скрыть. Убью.

Как назло, она залетела через две недели, и он повез ее на аборт.

Усталый врач предупредил его:

– Первая беременность. Вполне возможно, что последняя.

– Ну и пусть. – Он упрямо сжал губы. – Таким, как она, детей иметь противопоказано.

Лиза дрожала в углу и думала о том, что ее никто не спрашивает.

В тот день она лишилась возможности иметь детей.

Глава 7

Очаков, 1890 г.

Шепсель, в отличие от флегматичного Лейбы, всегда был энергичен и напорист.

Не откладывая в долгий ящик он на следующий день уже занимался продажей лавки и нашел покупателей. Мужчины ударили по рукам, хотя предложенная цена была явно заниженной.

Младший Гойдман не стал торговаться впервые в жизни. Ему казалось, что промедление смерти подобно.

Весть о Клондайке неподалеку от Одессы уже давно обсуждалась на каждой улице, и к Очакову потянулись другие кладоискатели. И уже тысячи бесценных находок поступали на черные рынки, некоторые – для того, чтобы быть утерянными безвозвратно.

Шепсель не знал, что на съезде археологов в Тифлисе ситуация на раскопках греческого полиса была названа критической. Впрочем, если бы даже и знал, это не помешало бы ему поехать в Парутино, село, возле которого и обнаружили остатки Ольвии, но прежде немного побродить по Очакову, чтобы составить представление о городе, где им предстояло жить.

Этот провинциальный городок, с церковью – довольно нелепым строением, переделанным из мечети, маяком, оптическим телеграфом, тоже неказистым, ведущим, как говорили жители, свой младенческий лепет с Николаевом, и каким-то пустым двухэтажным зданием, хорошо смотрелся только с моря.

Еще год назад те, кому удавалось прожить здесь хотя бы неделю, уверяли, что трудно представить что-нибудь скучнее и печальнее. На маленьких улочках не было никакого движения, гостям радовались, как манне небесной, надеясь, что продается лишняя булка на базаре. Торговлей, как и в Одессе, заправляли евреи.

Кладоискатели немного оживили забытый богом городок, засуетились торговцы, забегали рыбаки, которые до этого возили свои богатые уловы сельди в Одессу и ближайшие городки.

Ольвия словно сделала из Очакова другое поселение, и братья решили, что здесь вполне можно пожить до того момента, пока удача не набьет золотом их пустые карманы.

Побродив по Очакову, они отправились в степь возле Парутино, на место многочисленных раскопок, в поисках своего счастья, и оно их разочаровало в первые секунды.

Окинув печальным взглядом уже местами взрыхленную сухую каменистую почву, против которой лопата и кирка казались ему бесполезными инструментами, Лейба загрустил и сел на камень, с досадой бросив пиджак в пыль.

– И ты собираешься рыть здесь? – спросил он брата, и в его голосе уже не было слышно воодушевления.

Шепсель скривил тонкие губы и провел рукой по вспотевшим жидким черным волосам.

– Так я и знал, – буркнул он. – Ты всегда был слабаком и жил только за мой счет. Сначала я, младший брат, помогал тебе в отцовской будке, потому что у тебя не хватало ума вбить гвоздь в подошву, потом я открыл лавку и сам договаривался с поставщиками, а ты сидел в углу и пил чай. Да, иногда ты поднимался, чтобы предложить покупателям товары, но скажи, сколько ты продал сам? Мне всегда приходилось вмешиваться, чтобы довести до конца начатое тобой дело. Теперь у меня появился план, как можно разбогатеть, стоит только немного потрудиться – и тебе это уже не нравится. Другой бы на твоём месте немедленно схватил бы лопату, чтобы ценности, которые еще остались в этой земле, не достались конкурентам. Это наша Троя, понимаешь ты или нет? Наша возможность разбогатеть и стать известными антикварами. – Он взял в руку кирку и стукнул по каменистой почве, поднимая серую пыль. – По твоему тупому лицу я вижу, что ты не понимаешь ничего. А раз

так, я тебя не удерживаю. Можешь ступать на все четыре стороны. Я дам-таки тебе денег, но с одним условием: чтобы большие я тебя не видел. С тобой я чувствую себя биндюжником, вынужденным вечно тащить тяжелый груз.

Он еще раз стукнул киркой и повернулся к брату спиной.

Заложив руки за спину и облизывая толстые губы, что он делал в минуты волнения, Лейба задумался. Что ни говори, а речь младшего брата не содержала преувеличений. В их братском союзе мозгом был именно Шепсель, и благодаря ему удавалось выпутываться из сложных ситуаций и зарабатывать деньги. Что бы делал сейчас Лейба, если бы не было Шепселя? Об этом не хотелось и думать.

Через минуту он уже решил, что не сдвинется с места, и если младшему брату угодно заставить его грызть эту сухую каменистую почву, что ж, он готов на это.

Молча подойдя к лопате, сиротливо лежавшей в пыли, он поднял ее и постучал по камню. Послышался неприятный тупой звук, и парень поморщился:

– Где копать, Шепсель?

Младший Гойдман отозвался, даже не повернувшись (он прекрасно знал, что его братишка никуда не денется):

– Видишь тот дуб? Возле него нетронутый участок земли. Начинаем с этого места. И скинь рубаху. В такую жару ты быстро вспотеешь. Кроме того, пока мы не имеем возможности приобрести что-нибудь приличное из одежды.

Лейба послушно скинул мокрую от пота рубашку и, поплевав на руки, с силой вонзил лопату в твердую каменную землю. Шепсель последовал его примеру.

Словно металлическая, серая земля поддавалась неохотно, едкая пыль забиралась в глаза, выкачивая слезы, хрустела на зубах, покрывала потные лица. Но увлеченные братья ничего не замечали, однако сегодня был не их день.

После шестичасовой работы младший выудил из ямы глиняный черепок, явно от древней амфоры – и только. Но Шепсель обрадовался находке как ребенок, хотя черепок годился лишь для мусорной кучи. Такой не купит ни один коллекционер, даже если верить сказкам о толпе богатых бездельников, готовых выложить сотню рублей за никчемную безделушку.

Лейбе повезло чуть больше. Он наткнулся на каменную кладку древнегреческого жилища и радостно закричал.

Братья знали: каждый год искатели открывали все новые дворцы и погребения, находя в них ювелирные изделия, керамические вазы и мрамор.

Но им не повезло: это оказались просто камни. Ни монет, ни сокровищ – ничего они не увидели.

Шепсель принялся копать более остервенело, словно пытаясь перехитрить судьбу, Лейба не отставал.

Через несколько часов, выбившись из сил, братья вылезли из ямы и уселись под ветвями дуба, чтобы перекусить. Запазливый Шепсель достал из узелка кусок хлеба, дешевую серую чесночную колбасу, издававшую пронзительный запах, пару помидоров и огурцов и бутылку с родниковой водой.

Свежий воздух нагнал аппетит, Лейба схватил нож, чтобы поделить нехитрую трапезу, но громкий голос, будто раздавшийся с небес, заставил их вздрогнуть и бросить продукты на мешок.

Братья подняли головы. Их окружили молодые – не старшие их, – но довольно крепкие ребята с мускулистыми большими руками и дочерна загорелыми лицами, на которых читалось недовольство. Судя по пыльным старым штанам, они тоже усердно пытались откопать клад, и присутствие чужаков не входило в их планы.

Трусливый Лейба задрожал и закрыл лицо руками, ожидая драки. Шепсель не моргнул и глазом, спокойно рассматривая непрошенных гостей, с презрением глядевших на новичков, а потом спросил с достоинством:

– И шо вы имеете нам сказать, ребята?

Белобрысый гигант, самый высокий и плечистый, толкнув Лейбу, наступил на помидор, и тот, разорвавшись, как бомба, обрызгал землю красной юшкой.

– Откуда вы приперлись? – поинтересовался он и сжал кулаки. – Известно ли вам, что эта территория давно поделена? Вы вторглись на наш участок.

Шепсель взял раздавленный помидор, сокрушенно посмотрел на него и забросил в кусты.

– Серьезно? – грустно спросил он. – И вы, молодой человек, имеете документ, где черным по белому сказано, что эта земля принадлежит вам? Будьте добры, покажите мне его, а заодно и ваш паспорт. Если это так, мы немедленно соберем наши пожитки и уйдем. Итак, я жду.

Загорелое лицо гиганта налилось кровью. По всему, он не ожидал от новичков такой наглости. И действительно, неслыханная наглость... Мало того что этот несчастный еврейчик посягнул на их территорию, он, судя по всему, не боялся их, хотя трое здоровяков легко могли расправиться с двумя хлюпиками.

– Здесь землей владеет тот, кто первым пришел на нее, – буркнул белобрысый.

Жара и тяжелая работа разморили его, начинать драку не хотелось. Хотелось, чтобы эти невесть откуда взявшиеся людишки просто ушли, но они не торопились этого делать.

Главарь набрал в грудь воздуха и выпалил:

– Если вы сию минуту не уберетесь отсюда, мы поможем вам это сделать. И тогда пеняйте на себя. У меня и у моих ребят тяжелые кулаки.

Насмерть перепуганный Лейба дернул брата за руку.

– Шепсель, давай уберемся, пока не поздно.

Младший будто его не услышал.

– Господа, мы участвовали в боях на Молдаванке. – Он вдруг улыбнулся как-то по-детски. – О, судя по всему, вы не имеете и представления об одесской Молдаванке – и зря. Почему вы думаете, что не получите отпор?

Белобрысый хмыкнул и повернулся к своим приятелям.

– Ребята, видит бог, я не хотел кровопролития. Но эти евреи явно не понимают, что здесь лишние. Давайте поможем им уйти.

Парни загикали, кто-то схватил Лейбу за шиворот, поднял на ноги и принялся отвечать тумаки.

– Брат, не сдавайся. – Шепсель еще пытался его напутствовать, но это было бесполезно.

Двое здоровяков повалили несчастного на землю, и в ход пошли ноги. Щуплого Шепселя атаковал сам белобрысый. Его крепкий кулак врезался в нос Шепселя, и кровь брызнула на грудь, как жидкость из раздавленного помидора.

– Вы нанесли мне обиду, – пробормотал младший Гойдман, вытирая кровь, и вдруг, подняв с земли камень, стал медленно наступать на главаря. – А вот теперь, милейший, я расшибу вашу дурную голову. Вы нехороший человек. Только нехороший человек попирает законы гостеприимства.

Белобрысый оскалил крупные лошадиные зубы, явно не ожидая подтверждения слов коротышки, но в ту же секунду сильный удар по уху заставил его покачнуться и осесть на землю. Он уже не мог подняться, лишь озирался по сторонам, его круглые серые глаза остекленели и налились кровью.

Шепсель бросился к остроносому чернявому парню, которого сразу окрестил Вороном. Ворон довольно невежливо мутузил Лейбу, и несчастный брат никак не мог подняться на ноги,

чтобы оказать хоть какое-то сопротивление. Меткий удар в ухо свалил и Ворона, Шепсель помог брату подняться, и они погнались за третьим, вовремя понявшим, что лучшее в такой ситуации – скорее унести ноги. Потом братья Гойдманы подняли за шиворот белобрысого и Ворона и, доведя их до маленькой рожицы, пинками придали ускорение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.